

УДК 800.1

В.В.Иваницкий

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ПОНЯТИЯ БЕЗ СЛОВ?

The article concerns the existence of the concepts that have forelingual nature as well as postlingual one.

На этот вопрос легко ответить с привычной категоричностью: «Разумеется, нет!». Известно же, что понятие как одна из логических форм отражения мира, в которой объеди-

няются представления об отличительных, существенных признаках предмета, обязательно «фиксируется», если не в слове, то «в иных языковых формах» [1]. Понятия закрепляются в определенных языковых дефинициях — как в слове, так и в словосочетании, в предложении или тексте. Например: долг, совесть; для-себя-бытие; земля обетованная, дамоклов меч, производительные силы, евклидова геометрия; с корабля на бал, наука побеждать; антиномия — «противоположность между двумя суждениями, взаимоисключающими друг друга...» [2]. В принципе, о любом понятии в силу его всеобщности и многоаспектности можно говорить долго и пространно.

Важно отметить, что обсуждаемая здесь проблема лежит в плоскости взаимодействия языка и мышления и поэтому она не может охватить вопросов, предполагающих связи языка — сознания, языка / речи — мышления / сознания.

Что же касается единства слова и понятия, а вместе с ним языка и мышления, то у большинства из нас, как сказано, в этом до сих пор нет никакого сомнения, поскольку большая часть отечественных работ по философии и логике безапелляционно утверждает, что «мысли людей могут возникать и существовать только на базе языкового материала, в форме отдельных слов и их словосочетаний. «Чистых» мыслей, обособленных от языка, не существует» [3]. «Язык и мышление находятся в неразрывном единстве: нет языка без мысли и, наоборот, мысли без языка» [4]. А.Г.Спиркин, специально занимавшийся этим вопросом, подчеркивает диалектический характер их отношений, говоря, что «мышление и язык находятся не в механическом взаимодействии, а в непрерывной органической связи. Их нельзя отделить друг от друга, не нарушая того и другого. Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, идеи не существуют оторванно от языка» [5]. Поэтому «мысль человека не могла бы реализоваться, если бы не было необходимой для нее формы выражения, которую дает язык. Отсюда следует вывод о неразрывной связи между языком и мышлением. Они не могут существовать друг без друга» [6]. Широко распространена также точка зрения, согласно которой «мышление человека осуществляется в теснейшей связи с речью, его результаты фиксируются в языке» [7].

Связь языка и мышления и, тем самым, слова и понятия подчеркивали многие философы и лингвисты, но в разных контекстах и с соответствующими оговорками. Так, для В. фон Гумбольдта «язык есть орган, образующий мысль» [8]. Однако, думается, Гумбольдт по причине предшествующей традиции еще не мог окончательно освободиться от отождествления понятий языка и речи. Там же он пишет: «В силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не может достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием. Нерасторжимая связь мысли, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы».

А.Ф.Лосев утверждает, что «мышления не существует без слов. Слово и, в частности, имя есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения» [9]. Но, говоря о единстве мышления и слова, он не отрицает наличия и «бессловесного мышления». И «вообще, — пишет он далее, — в нашей обыденной жизни сколько угодно можно мыслить, не употребляя слов. Однако такое бессловесное мышление не недостаток слова, недоразвитость его, но наоборот, преодоление слова, восхождение на высшую ступень мысли» [10]. Таким образом, Лосев, с одной стороны, подчеркивает тесную связь языка и мышления, предполагая более активную роль мышления в данном соотношении, с другой, — отмечает возможность мышления без языка, на более высокой ступени абстракции.

Некоторые современные философы, говоря о единстве языка и мышления, все-таки подразумевают и определенную долю их независимости, автономии. Нам близки в этом плане следующие рассуждения Б.Рассела: «Язык служит не только для выражения мыслей, но и делает возможными мысли, которые без него не могли бы существовать. Иногда думают, что не может быть мысли без языка, но я не могу с этим согласиться: я считаю, что может быть мысль и даже истинное и ложное верование и без языка» [11].

Невозможно пройти мимо исследований в области лингвистической, неогумбольдтианской философии, которые подчеркивают примат языка над мышлением. «Язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли; дело в том, что внешняя форма одежды создавалась с совершенно иными целями, отнюдь не для того, чтобы судить по ней о форме тела», — пишет Л.Витгенштейн [12]. И далее: «Границы моего языка означают границы моего мира» [13]. Тем самым, устанавливается идиотическая сущность языка и его единиц, и подразумевается, что слово и прочие языковые единицы предшествуют формированию логических единиц.

О том, что мысль, отвлекаясь от чувственного (в этом случае имеется в виду речь, а не язык), может касаться идей «в себе» и «для себя» («Прекрасное само по себе»; «Благо в себе» и т.п.), т.е. понятий, представляющих сущность вещей и мира, говорил еще Платон. Рассуждения Платона об общих, универсальных идеях вызвали дискуссию уже в его время. В результате длительного обсуждения данной проблемы появились разнообразные направления в ее толковании — *концептуализм, номинализм, реализм, универсология, феноменология, гипотеза лингвистической относительности и лингвистического детерминизма* и т.д. К этому причастны такие замечательные ученые, как блаж. Августин, Эриген, Фома Аквинский, Росцелин, У.Оккам, Николай Кузанский, Г.В.Лейбниц, В. фон Гумбольдт, Э.Гуссерль, М.Хайдеггер, А.Ф.Лосев и т.д.

В самом деле, в результате перцептивной и мыслительной деятельности у человека формируются какие-то функциональные категории и понятия, которые затем при необходимости формулируются, воплощаются в соответствующих словах и выражениях. Без этого мысль осталась бы неявной и диффузной. Понятия развиваются, стабилизируются и затем фиксируются, если они соединяются с языковым обозначением. Доступ к языковому выражению дает понятиям возможность «выхода» за пределы индивидуального. Будучи зафиксированными, они сохраняются, воспринимаются и легко передаются друг другу. Б.П.Ардентов пишет по этому поводу: «Не всегда представления и понятия, наличествующие в данный момент в сознании и входящие в содержание мысли, вербализованы». И далее, как одно из веских доказательств, он приводит такой факт: «В мышлении, т.е. в познании действительности, совершающейся в повседневной практической деятельности, происходит непрерывное накопление нового: возникают новые представления, новые понятия и т.д., а в языке не оказывается соответствующих средств для их выражения. В большинстве случаев это противоречие быстро «снимается»: в языке создаются новые слова и выражения для обозначения нового» [14].

Таким образом, можно говорить о том, что язык и мышления бывают связаны между собой, но могут и «плавать в автономном режиме».

Наше мышление оперирует, наряду с языком, и другими знаковыми системами. К тому же трудно себе представить, чтобы все существующие коммуникативные подсистемы были осознаны и переработаны через «языковые фильтры».

Понятия как факты мышления существуют и без языка; причем одни понятия предшествуют языку, другие формируются с учетом его существования, т.е. на его основе [15]. Эти понятия можно было бы подразделить на *онтологические* и *гносеологические*. Онтологические понятия свойственны природе человека. Человек как личность немислим без их присутствия. Прежде всего, это понятие Бога. Как пишет С.Л.Франк, «Бог открывается мне непосредственно лишь в составе нераздельного единства «Бог и я» [16].

Онтологическим понятием является также вера. Поскольку «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога» (Ин. 1,1-2), постольку любое употребление слова (шире — языка) подразумевает изначальную веру к нему. Вера в слово предшествует его употреблению. С другой стороны, «язык с самого начала, или, точнее, с начала размышления над языком, служит внешним выражением веры в более или менее постоянные лица и вещи» (17). Недаром многие люди принимают на веру все, что

говорят «просто так», например, политики или торговцы. А когда человек говорит неправду, он прекрасно это создает.

На основании онтологии веры формируются суггестивная функция языка и разнообразные прогностические действия, опирающиеся на языковые факты. Все производимые с языком действия типа табуирования, эвфемизации, синонимии и антонимии, пуризма и т.д. связаны с верой, мотивированы ею.

В связи со сказанным необходимо отметить, что исследование языка до сих пор ограничено логическими «шорами», как речь — психологическими. Нет сомнения в том, что язык, его единицы являются носителями, передатчиками веры, и поэтому его необходимо изучать и с данной фидеистической точки зрения, а, кроме того, как суггестивное и прогностическое средство.

К онтологическим относятся и аксиологические понятия типа «свое / чужое», «добро / зло», «красивое / уродливое». Сюда же отнесем понятия с пространственной дейктикой: «вверху — внизу», «вперед — сзади», «близко — далеко» и т.п. Интересно отметить, что при объяснении всех этих понятий обычно возникают мыслительные и языковые затруднения и возникает ощущение недосказанности (попробуйте, например, сходу рассказать, как пройти от вашего дома до автовокзала, или с помощью слов определить, что такое красота).

Гносеологические понятия можно подразделить на *индивидуальные* и *социализованные*. Индивидуальные понятия существуют в головах носителей языка в большинстве своем так и нереализованными и неизвестными другим, лишь немногим людям — писателям, поэтам или журналистам удастся донести их через описание собственных ассоциаций. Они могут иметь визуальную, звуковую, обонятельную и т.п. чувственную природу. Понятие здоровья и молодости — в пухлых и розовых щеках. Кашлять, сморкаться и скрипеть половицами — понятие старости и немощности. Запах солянки вызывает мысль о гараже. Ехидное поддельдыкивание и похлопывание по плечу — пьяный кураж плохо переносимого приятеля. Кроме того, мы реагируем соответствующим образом на низкие и высокие звуки и т.д. и т.п.

Индивидуальные понятия могут стать социализованными, когда их наличие осознается всеми носителями языка в данном коллективе. Благодаря тому, что «язык есть средство превращения нашего личного опыта в опыт внешний и общественный» [18], мы можем сообщить максимальному количеству людей о понятиях, существующих в нас, — и тем самым сделать свой опыт их достоянием. В связи с этим возникают социализованные трактовки цвета (белый цвет — чистота и невинность; красный — красота и жизнь; низкий звук — темный, высокий — светлый и радостный), музыкального или художественного произведения и т.д. И нередко в подобных случаях перевод понятий на «обыденный» язык бывает чрезвычайно затруднен: у творческих людей возникает естественное косноязычие, поскольку при трансляции трудно передать понятийный предъязыковой код на код языка.

Не вызывает сомнения и тот факт, что понятия формируются на концептуальной основе существующего языка, известном уже языковому опыту (о чем, собственно, говорит Гумбольдт и что подразумевает Витгенштейн) [19]. Эти понятия образуются в 1) *предметной (денотативной)*, 2) *звуковой (знаковой)* и 3) *собственно-языковой (сигнификативной)* сферах слова.

Опора на денотат обычно связана с этимологией, «первоначальным зародышем слова» [20]. Употребляя известное слово или создавая новое для обозначения какого-либо понятия или предмета, мы так или иначе предполагаем этимологию имени (ср.: двор — дворник (человек) — дворник (стеклоочиститель автомобиля)). В этих процессах «задействованы» словообразовательные и морфологические средства языка. Звуковая сторона слова носителями языка часто обыгрывается. Творческое отношение к ней мы видим в оноματοпоэтических трактовках и звуко-символизме. Сигнификативная сфера реализуется, прежде всего, в метафоре и метонимии. В конкретных ситуациях все указанные стороны слова могут быть использованы одновременно, как это часто делается в анекдотах и каламбурах.

1. Философский словарь / Под ред. М.М.Розенталя. М., 1972. С. 221.
2. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 43.
3. Андреев И.Д. Пути и трудности познания. М., 1968. С. 69.
4. Кошевой К.К. Суждение и предложение и павловское учение об условных рефлексах. Пермь, 1959. С.14.
5. Спиркин А.Г. Мышление и язык. М., 1958. С. 40.
6. Логика. Учебник. Минск, 1974. С. 9.
7. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону, 1995. С. 46.
8. Гумбольдт В. фон. Избр. тр. по языкознанию. М., 2000. С. 75.
9. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С. 32.
10. Там же. С. 32-33.
11. Рассел Бертран. Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997. С. 71.
12. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 18.
13. Там же. С. 56.
14. Ардентов Б.П. Мысль и язык. Кишинев, 1965. С. 53-54.
15. См.: Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 319 с.
16. Франк С.Л. С нами Бог. М., 2003. С. 272.
17. Рассел Б. Указ. соч. С. 78.
18. Там же. С. 71.
19. См. также: Серебренников Б.А. Указ соч.
20. Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 38.